

Улетающие в осень птицы

> Песни на родине поют зазорные, мелодичные и грустные

Родник за околцей

Зауралье – земля низменная, однообразно плоская. Если бы не березовые колки, разбросанные там и сям, да смешанные березово-осиновые с богатым подлеском лесочки, перелески и рощицы, глазу не за что было бы зацепиться. А еще всю нашу местность пересекали извилистые бесконечные лога, в которых в основном уютно и пристроились ленты лесочков.

Но не столь она скучна, эта земля, по воле рока – наша родина, созданная природой, казалось бы, для дремотного прозябания. Речки здесь не так часты, как в гористой местности Среднего Урала, но зато если она, река, течет, то это – Тобол. Речка так себе, мало-мальская в летнюю сушь, но поноводная в ненастье, а в весеннее половодье – бескрайняя, необозримая речка! Только окажись в такое время путник на ее берегу, найди его, этот берег, не скользны – и смотри не смотри – не разглядишь противоположную твердь с таким же редким здесь ротозеем. Далеко до него, не доглядишь, как через море, никакой дальности не достанет. И только торчат над водой там и сям, клонясь в ее стремнине и указывая направление течения, верхушки берез, притопленных на время половодья. Не все они, эти березы, отойдут и в летнюю пору, немало их, оставшихся в низинах по колена в воде и после спада большой воды, переплывут той водицей, усохнут. А пока вокруг сплошное море разливанное! Никаких паромов и перевозов по эту пору здесь не существует – ищи не ищи.

Зато сколько тут озер! Мало, должно быть, на матушке-земле территорий с таким же множеством их и – разнообразием. Тут тебе и пресные, не просто зарыбленные, а изобилующие рыбой; частично поросшие камышом, а то и кочками – того и гляди в болото такое озеро превратится. Как наше озеро Сосновское на северной окраине поселка Лесного, называвшегося в годы нашего детства Подсобным.

Или тысячи других, со звонкими именами, часто не русскими, а башкирскими, казахскими и другими, названными народами, давно исчезнувшими из наших мест. А то и безымянных, потерявших во времени свои имена и давно не называемых озерами. Было у нас за околцей и такое озерцо-болотце со студеным родничком посередине, с густыми зарослями тальника по периметру и махонькой березовой рощицей посередке, у самого родничка, на крохотном острове. Несмотря на невеликие размеры, редко кто из нас, пацанов, да и взрослых, осмеливался на него ходить, попроведовать тот родничок. Не дай бог оступиться, и – пиши пропало. Утопнешь. Хотя кто-то отчаянный туда все же ходил, о чем свидетельствовала цепочка примятых кочек.

Сказывали, что вода в родничке мало что студена, она еще и целебна. С краев же болотце кишело всяческой живностью, страшнейшими среди которой считались пиявки. Кстати, водились они и в нашем Сосновском. От того болота слегка угадывалось русло давнего ручейка, по которому, очевидно, раньше сбрасывался излишек воды в соседнее, ниже расположенное и более вместительное озеро. Но люди зачем-то засыпали исток того ручейка и родничок, видать, ослаб за века.

В наших южноуральских пресноводных озерах водится множество окуньков и карасей, вылавливаемых местными рыбаками бесконтрольно и беспощадно для собственного

потребления, на продажу, а чаще на обмен с односельчанами, дорожащими каждой трудовой копейкой и легко расстающимися с плодами своего домашнего хозяйства. Чаще всего в качестве денежного эквивалента выступали куриные яйца, стоявшие до хрущевской денежной реформы 50 копеек за штуку, а после нее – пятак и принимавшиеся по этой цене магазинами сельской потребкооперации – селпо.

Святая водица

Но еще больше в наших местах озер соленых с различными привкусами воды – от солоноватых до горьких. У них нередко даже названия по вкусу их воды: Горькое, Соленое и тому подобные. У одних дно чистое, вода прозрачная, у других – тинистая, илестая, грязевая. Соответственно и цвет воды: голубой, белесый, зеленый, желтый... Не зная и не ведая химического состава, названия солей и степени целебности грязей, местные жители вымываются этой грязью, отмокают в тине, купаются в зеленоватой и прочих оттенков воде, излечиваясь от всевозможных болячек. Опытным путем годами и десятилетиями доходят: в каком озере от чего можно исцелиться. Тем, кто сам не может уже пойти на бережок и спустить свои утруженные ноженьки в прибрежную жижу, – привозят ее в бочках и кадушках домой, окунают больного прямо в эту бочку или заливают его в корыте. И помогает! Некоторые недуги как рукой снимает, да так, что человек и не вспоминает больше о них.

Помнится, лет полста назад ездили Виталий со старшим братом – ему было лет шестнадцать, а Виталию пять, за тинкой, грязью и водицей для родной своей тетюшки Лиды, лежавшей дома пластом, на озеро Большой Шантропай, на берегу которого уютно расположилось казачье село Белоусово, центр нашего сельсовета. Тетюшке тогда не было и тридцати, теперь же, на стыке тысячелетий, ей уже за восемьдесят. Ее тогда как сле-

дует испугали в той водице, полегала она в ней вдоволь. Ни разу после того серьезно не болела – одной бочки хватало.

Вот такие у нас в Зауралье замечательные места! Зимой нас по крыши домов заметает снегом, весной подтапливает тальными водами, переливающимися через порог, не говоря уже о погребах с картошкой, летом сушит, что в пустыне, а осенью льет-заливает дождями. И что весной, что дождливой осенью засасывает сапоги в суглинки, черноземы и глину – ног не выворотить.

И живут в наших прекрасных местах люди самых разных национальностей, хоть и простые, но исключительно замечательные: скромные, песенные. И песни они поют несканно зазорные, мелодичные и грустные, которые уносят слушателей в светлую неизмеримую даль.

Не часто люди у нас поют, редко у них досуг. В воскресенье и праздники все в трудах, если не на производстве, то на своем подворье, огороде, сенокосе. И не представишь себе свинарку или телятницу, очищающую едко пахнувший навоз из клетки и распевующую веселую частушку. Или скирдоправа в просоленной потом рубахе и колючими остьюми за пазухой, заливающегося соловьем. Но случаются свадьбы – чуть ли не единственное событие, когда гуляют все от души и самозабвенно. И еще – прово-

ды в армию. Это праздник всеми признанный и поощряемый. Вот тут-то и заливаются в песенном забвении наши односельчане. В одной компании и по-русски споют, и по-татарски, и еще по-каковски-то. Но немцев у нас пока нигде не слышно. Хоть их может быть на том гулянье-веселье и большинство, но – ни гу-гу. Отбили у них в лихолетье охоту раскрываться даже в песне. Да что там песня – говорить на родном языке опасаются. Вот у себя дома, среди своих, это – да, тут могут и песенно погрузить и плясочно

повеселиться, не опасаясь косых взглядов или грубого слова.

Окно в облаках

Осень в наших местах прекрасная пора. И – с грустинкой. Выйдешь из-под крыши на обширный двор, на широкую деревенскую улицу, а еще лучше – в бескрайнее поле, уже убранное, или – скошенный луг. Встанешь, оглядишься – далеко видать окрест. Красота! Задержишь голову «ворон посчитать», а в голубой выси неспешно, с земли кажется, плывут к теплему югу перелетные птицы: одни – вереницей, другие – цепочкой, а эти – клином. И лишь изредка доносится оттуда из строгой высоты голос вожака, предупреждающего о чем-то ведомую им стаю: то ли о маневре, то ли о порядке в строю...

Смотришь им вслед, и щемление душевное подступает к горлу: почему я не птица и не могу вот так же встать на крыло и полететь туда, куда душа рвется, мысль устремляется. И сам-то, еще нигде не бывавши, не знаешь, куда она у тебя просится, твоя душевня. Но ведь просится куда-то из этого любимого тобой, как тебе кажется, захолустья.

Здесь скоро опять затянет небо серой пеленой, посыплется из нее тоскливая влажность с холодной тоской вперемежку, зачавкают под сапогами непролазные суглинки, глина и чернозем. Пока доползешь до фермы, школы или магазина, вымотаешься так, что об обратном пути и думать нет никакой охоты. Лишь отдохнувши, решишься вновь пуститься в этот многотрудный обратный путь. Вот и набит магазин народом, почти ничего не покупающим, а пришедшим кто за спичками, кто за солью...

А птицы летят и летят, нагоняя печаль и тоску. Даже в такую хмарь они, поднявшись над землей, продолжают свой путь при солнечном и лунном свете, опускаясь на отдых, найдя «окно» в той облачности, кажущейся человеку бескрайней, бесконечной. И только высокое курлыканье доносится до ползущего внизу по распутице человека.

А они все летят и летят. Но вот на их

пути прогал, где земля еще освещается и даже обогревается осенним солнцем, без усталости делающим свою вековую работу.

А ты остаешься здесь, в «своем» селении, не только бескрылый, но и невыездной. Куда же ты пойдешь, если все, чем ты живешь, находится здесь, в этой богом забытой точке земли?

Мало того, даже если отрублены у тебя все связи с данной местностью, ни родных, ни имущества на ней, лишь нары в бараке. А все, что имеешь – на тебе. Да в твоих карманах какая-нибудь мелочь, и то не взлетишь, не уедешь, не ушагаешь. И удержит тебя не богатство, не безотчетная любовь, а удержит один лишь страх перед редко видимым и вообще никогда бы не встречаемым вершителем твоей судьбы – комендантом. Он наезжает из райцентра в твоё спецпоселение с инспекцией периодически. Когда-то он с подразделением охраны жил здесь же рядом. Не в бараке, конечно.

Теперь хорошо. Зону отменили, заменили ее спецпоселением. Охрану сняли, комендант быстрее подался поближе к цивилизации – в райцентр, но далеко за околицу и теперь не податься. Поход в соседнее село для тебя, взрослого спецпоселенца, чреват двадцатью годами каторжных работ. Если, конечно, об этом походе на тебя кто-то капнет. А – капнут, даже не сомневайся, всегда найдется кому. Ведь ты – спецпоселенец «на вечные времена», как подчеркнуто в правительственном указе. И ты – сам себе не указ.

А птицы летят и летят на юг. Летят они в дальние страны В бескрайней дали голубой, Летят они в дальние страны, А я остаюсь с тобой. А я остаюсь с тобою, Родная навеки страна, Не нужно мне солнце чужое, Чужая земля не нужна..., – поешь ты, перебирая слова, эту песню, исполняемую по репродуктору изо дня в день, как заклинание ☹

ВИКТОР ГРИНИМАЕР,
член Союза писателей России
Еткульский район, 50-е годы

> Отбили у немцев в советское лихолетье охоту гулять и веселиться от души